

О МАНЕВРАХЪ.

Въ статьѣ «Объ общемъ характерѣ и направленіи лѣтнихъ занятій войскъ» (*), въ лагерѣ подь Краснымъ Селомъ, было объяснено: какое важное значеніе принадлежитъ программѣ, выполненной въ нынѣшнемъ году въ лагерѣ подь Краснымъ Селомъ, и какое, дѣйствительно, улучшение она составляетъ въ дѣлѣ практическаго—тактическаго образованія войскъ, можно сказать, не только гвардіи и Петербургскаго округа, но и всей нашей арміи, такъ какъ инструкция для лѣтнихъ занятій, примѣненная этотъ годъ въ лагерѣ подь Краснымъ Селомъ, была разослана, по высочайшему повелѣнію, для руководства во всѣ прочіе округа.

Въ пользу общихъ началъ и требованій, въ ней выраженныхъ, вѣроятно никто не станетъ сомнѣваться. Но врядъ ли будетъ то же относительно выполненія и примѣненія ихъ, или того, что въ лагерѣ подь Краснымъ Селомъ всѣ маневры, какъ цѣлыми отрядами, такъ и небольшими частями пѣхоты и кавалеріи, производились исключительно на двѣ стороны. Надо полагать, что это обстоятельство остановитъ на себѣ вниманіе многихъ и заставитъ усомниться въ безусловной полезности инструкціи и занятій красносельскаго лагернаго сбора, ибо въ послѣднее время на двухсторонніе маневры слышались очень часто весьма сильныя нападки. Такъ, говорили, что, при всей пользѣ, приносимой ими для развитія въ начальникахъ навыка управленія войсками въ болѣе или менѣе значительныхъ массахъ, они порождаютъ понятія и привычки положительно вредныя для успѣха боеваго дѣла, ибо приучаютъ войска останавливаться во время атаки, не доведя ее до конца, заставляютъ ихъ смотрѣть на отступленіе какъ на дѣло самое обыкновенное, развиваютъ боязнь

(*) „Военный Сборникъ“ 1869 г. № 11.

обходовъ, преклоненіе передъ численнымъ превосходствомъ и проч. Съ одной стороны, такой взглядъ на двухсторонніе маневры, судя по корреспонденціямъ изъ нѣкоторыхъ лагерныхъ сборовъ нынѣшняго года, становится вообще распространеннымъ; съ другой стороны, ежели упомянутые маневры дѣйствительно оказываютъ такое вредное вліяніе, какое имъ приписываютъ, то они должны быть принимаемы не иначе, какъ необходимость, къ которой слѣдуетъ обращаться только въ немногихъ случаяхъ, и чѣмъ рѣже, тѣмъ лучше. Поэтому въ настоящее время, когда инструкція лѣтнихъ занятій, составленная для войскъ Петербургскаго округа, примѣняется къ занятіямъ прочихъ войскъ арміи, нелишне разсмотрѣть: какіе дѣйствительные недостатки представляютъ двухсторонніе маневры? не могутъ ли нѣкоторые изъ нихъ быть устранены? на сколько полезны, сравнительно съ ними, маневры односторонніе противъ непріятеля воображаемаго и двухсторонніе, но противъ непріятеля, лишь обозначеннаго флагами и командами войскъ! (*)

Недостатки или особенности двухстороннихъ маневровъ, могущіе имѣть вредное вліяніе, можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ трудно, или даже почти вовсе неустраняемы; другіе, какъ зависящіе, въ большей или меньшей степени, отъ способа производства двухстороннихъ маневровъ, устраняются, сравнительно, легче и удобнѣе; къ тому же, вліяніе первыхъ постояннѣе и обширнѣе, а потому съ нихъ, какъ наиболѣе важныхъ, мы и начнемъ наше изложеніе.

1) При движеніи въ атаку, части войскъ, противопоставленныя другъ другу, останавливаются, не сойдясь на 50 шаговъ. Это, по мнѣнію многихъ, весьма большой недостатокъ, ибо если приучить массу останавливаться на маневрахъ, не дойдя до непріятеля, то болѣе нежели вѣроятно, что въ бою она также можетъ останавливаться.

2) На маневрахъ, одна сторона послѣ столкновенія всегда отступаетъ. Такимъ образомъ, отступленіе является какъ дѣло обыкновенное; между тѣмъ войска слѣдуетъ вести такъ, чтобы они не помышляли о возможности отступленія, и чтобы на отступленіе смотрѣли какъ на позоръ для хорошаго войска.

(*) Послѣдній способъ, до сихъ поръ почти вовсе неупотреблявшійся у насъ, начинаетъ входить въ употребленіе (напримѣръ въ Рязкомъ военномъ округѣ, въ лагерѣ подъ Инкулемъ), и, кажется, съ цѣлью примиренія недостатковъ двухстороннихъ маневровъ съ нѣкоторыми несомнѣнными выгодами производства маневровъ противъ дѣйствительнаго, хотя бы и обозначеннаго, но не воображаемаго противника.

Примѣняясь къ сказанному, слѣдуетъ признать, что частое производство двухстороннихъ маневровъ должно оказывать на войска положительно деморализирующее вліяніе, и что войска, чаще другихъ упражнявшіяся въ двухстороннихъ маневрахъ, должны быть, при равныхъ прочихъ условіяхъ, дѣйствующихъ на духъ войскъ, непремѣнно хуже неизмѣвшихъ въ нихъ столь же частой практики.

Съ перваго взгляда легко видѣть, что въ этомъ мнѣніи ежели и есть справедливое основаніе, то, за всѣмъ тѣмъ, оно слишкомъ преувеличено, ибо въ большей части европейскихъ армій двухсторонніе маневры существуютъ и производятся давно, а между тѣмъ послѣднія войны вовсе не обнаруживали фактовъ, доказывающихъ ихъ деморализирующее вліяніе въ вышеупомянутомъ смыслѣ: по крайней мѣрѣ объ этомъ никто не заявлялъ. Прусская армія, весьма усердно занимавшаяся двухсторонними маневрами въ теченіе долгаго мира, казалось, непремѣнно должна была бы испытать на себѣ ихъ вредное дѣйствіе; однако война 1866 г. показываетъ противное: во всѣхъ дѣлахъ прусскія войска весьма рѣшительно бросались на непріятеля и, гдѣ было нужно, дрались съ замѣчательнымъ упорствомъ. Въ той же войнѣ, австрійскія войска, также довольно усердно упражнявшіяся въ маневрированіи на двѣ стороны, по свидѣтельству всѣхъ писавшихъ о войнѣ 1866 г., весьма часто и рѣшительно порывались атаковать пруссаковъ въ штыки, видя въ этомъ единственное средство одолѣть противника, имѣннаго надъ ними рѣшительное превосходство въ силѣ огнестрѣльнаго пораженія. Говорятъ, что они останавливались, или поварачивали назадъ, не доведя боя до рукопашнаго столкновенія; между тѣмъ, ни одна австрійская часть не была уничтожена прусскими залпами—что же мѣшало уцѣлѣвшимъ продолжать атаку? Справедливо, что упадокъ энергіи; но требовать, что бы часть не останавливалась и не поварачивала назадъ, пока она не будетъ уничтожена, значить требовать невозможнаго, не признавать предѣловъ энергіи человѣка.

Война 1866 года, кончившаяся для австрійцевъ крупною катастрофою, заставляеть ихъ вникнуть въ весьма многіе недостатки устройства и образованія арміи, и, однако, двухсторонніе маневры по прежнему сохраняются и признаются лучшимъ средствомъ, потому что, по мнѣнію австрійцевъ, маневры эти даютъ хотя нѣкоторое понятіе о непріятелѣ и о ходѣ настоящаго боя.

Вышеприведенные факты служили бы, пожалуй, доказательствомъ и неосновательности обвиненія двухстороннихъ маневровъ въ деморализирующемъ вліяніи на массы, ежели бы рядомъ съ ними не

стоялъ фактъ, что французская армія, пользуясь репутаціею одной изъ лучшихъ въ Европѣ, почти вовсе не занимается двухсторонними маневрами и предпочитаетъ имъ маневры на одну сторону, не представляющіе никакихъ препятствій для атакъ стремительныхъ и безостановочныхъ.

Понятія и привычки, вообще духъ армій, есть результатъ дѣйствія многихъ причинъ и условій. Чтобы судить, путемъ сравненія различныхъ армій, какое вліяніе оказываетъ одна изъ нихъ—напр. нѣкоторыя особенности общепринятаго порядка производства двухстороннихъ маневровъ—для этого необходимо, что бы всѣ прочія условія и причины были, по возможности, уравновѣшены, что, въ дѣйствительности, никогда не встрѣтится. Въ этомъ лежить трудность опытнаго рѣшенія многихъ вопросовъ, относящихся до нравственнаго воспитанія войскъ, а также необходимость обращаться, при разсмотрѣніи ихъ, къ способу теоретическому и менѣе точному.

Справедливо, что система обученія войскъ, т. е. извѣстная послѣдовательность и тѣ или другіе приемы въ изученіи различныхъ отдѣловъ воинскаго образованія, имѣетъ большое вліяніе на умственный и нравственный складъ войскъ. Но какимъ же путемъ совершается это вліяніе? Путемъ впечатлѣній на мысль и чувство отдѣльныхъ личностей и цѣлой массы.

Всѣ упражненія, смыслъ и цѣль которыхъ доступны массѣ, непремѣнно возбуждаютъ въ ней дѣятельность мысли и чувства въ извѣстномъ, опредѣленномъ направленіи; повторяясь часто, они сообщаютъ массѣ опредѣленный взглядъ, понятія объ ея назначеніи, обязанностяхъ и проч., и такимъ образомъ постепенно даютъ ей тотъ или другой умственный складъ, а вмѣстѣ съ этимъ порождаютъ привычки, которыя, укрѣпившись, пріобрѣтаютъ господство надъ умомъ и чувствомъ какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлой массы.

Привычки нерѣдко такъ глубоко коренятся въ человѣкѣ, что дѣйствіе ихъ кажется совершенно инстинктивнымъ; это показываетъ, что ихъ вліянію человѣкъ поддается невольно, безъ противодѣйствія, но не доказываетъ еще, чтобы происхожденіе ихъ было бессознательное, инстинктивное. Напротивъ, большинство привычекъ человѣка, ежели разобрать ихъ внимательно, отличается однимъ общимъ свойствомъ—сознательностью происхожденія, или, тоже, что началомъ ихъ служатъ дѣйствія болѣе или менѣе осмысленныя, но отнюдь не механическія, хотя такъ можетъ показаться съ перваго раза. Кажется, что могло быть бессознательнѣе привычки, нѣкогда весьма

распространенной между солдатами, постоянно отвѣчать «понялъ» даже и тогда, когда изъ полученнаго приказанія не было ровно ничего понято? А между тѣмъ эта привычка явилась не безъ причины: началомъ ея было запуганное положеніе солдата съ перваго шага его службы, а вслѣдствіе этого боязнь отвѣчать «нѣтъ», когда начальникъ нетерпѣливо ожидаетъ отвѣта утвердительнаго. Что справедливо въ отношеніи отдѣльныхъ личностей, то справедливо и въ отношеніи цѣлыхъ массъ; а потому и въ нихъ привычки разнаго рода возникаютъ и образуются путемъ сознательнымъ, но не механическимъ.

Посмотримъ же, съ этой точки зрѣнія, на возможность деморализующаго вліянія двухстороннихъ маневровъ на массы войскъ, часто упражняющихся въ производствѣ оныхъ.

Первое, и чаще другихъ повторяемое, обвиненіе противъ двухстороннихъ маневровъ заключается, какъ выше упомянуто, въ томъ, что они должны поселять въ войскахъ привычку останавливаться, не доводя атаку до конца, и что эта привычка, вредная въ нравственномъ смыслѣ, можетъ обнаружиться и въ настоящемъ дѣлѣ. Относительно кавалеріи (правильнѣе — лошадей) это мнѣніе справедливо; но относительно пѣхоты болѣе нежели сомнительно.

Большинство строевыхъ лошадей боится пѣхотнаго строя, боится также и пальбы изъ него. На маневрѣ, во время движенія въ атаку, эта боязнь, по мѣрѣ приближенія къ пѣхотному строю, увеличивается; лошадь преодолѣла бы ее, потому что, въ массѣ, она скачетъ, чувствуя побужденіе всадника, и вдругъ ее останавливаютъ и, такимъ образомъ, не даютъ разрѣшиться безпокойшему ее чувству боязни. Совершенно естественно, что чувство это не уменьшилось, а, напротивъ, возрасло, и такъ должно быть съ каждою новою атакою. Затѣмъ является дѣйствительная привычка, въ силу которой нѣкоторыя лошади, не доскакавъ 50 шаговъ до пѣхоты, могутъ останавливаться, пожалуй, сами, безъ участія въ этомъ всадника.

Не можетъ быть и разговора, чтобы описанный процессъ могъ имѣть значеніе относительно массы людей, двигающихся въ атаку на маневрахъ. Противникъ, встрѣчающій залпомъ или идущій на встрѣчу, вовсе непроизводитъ на нихъ устрашающаго впечатлѣнія, и, не скомандуя начальникъ «стой», они продолжали бы идти впередъ и навѣрно схватились бы съ противникомъ. При этомъ замѣчательно, что даже нѣсколько разъ подрядъ повторяющіяся остановки часто не уменьшаютъ горячности людей, и иногда, во-время неостановленные

въ десятый разъ, они бросаются впередъ съ тѣмъ же азартомъ, какъ и въ первый разъ.

Не служить-ли это доказательствомъ, что остановка на маневрахъ не имѣетъ никакого соотношенія съ чувствами и ощущеніями, побуждающими массы останавливаться во время атаки въ настоящемъ дѣлѣ? И при этомъ условіи она не можетъ сдѣлаться основаніемъ привычки въ мирное время, деморализирующей массы войскъ, а въ бою побуждающей ихъ продѣлывать инстинктивно то же, что они исполняли на маневрахъ.

Напротивъ, оставляя пока въ сторонѣ другіе недостатки двухстороннихъ маневровъ, можно придти къ заключенію, что дѣйствіе ихъ на духъ войскъ должно быть скорѣе благотворно, нежели вредно; по крайней мѣрѣ, недоведеніе атаки до рукопашной свалки, случающееся въ бою болѣе нежели часто, никакъ не можетъ быть отнесено къ вліянію двухстороннихъ маневровъ.

Нѣсколько иное значеніе имѣетъ пріемъ, въ послѣднее время часто встрѣчающійся на маневрахъ: колонны,двигающіяся въ атаку по открытому мѣсту, останавливаются и развертываются для нальбы залпами, которая продолжается по нѣсколькимъ минутъ, часто до пріѣзда посредника, приказывающаго одной сторонѣ отступить. Этотъ ошибочный пріемъ легко можетъ обратиться, да и обращается, въ привычку для ротныхъ командировъ; даже, пожалуй, часть, дурно дисциплинированная, и сама, безъ приказанія, развернется въ подобномъ случаѣ. Но этотъ пріемъ не можетъ идти въ параллель съ простою остановкою во время атаки, ибо онъ имѣетъ цѣлью пораженіе непріятеля огнемъ, тогда какъ остановка—предупрежденіе столкновенія и безпорядка; притомъ, какъ та, такъ и другая цѣль слишкомъ очевидны.

На остановку на маневрахъ, въ 50 шагахъ отъ противника, можетъ быть принята еще другая точка зрѣнія. Часть должна быть на столько въ рукахъ у начальника ея, чтобы онъ могъ управлять ею въ минуты самыхъ азартныхъ и запальчивыхъ дѣйствій. Можетъ быть, въ настоящемъ дѣлѣ это будетъ возможно изъ ста разъ одинъ, но, по крайней мѣрѣ, въ мирное время войска должны быть ведены такъ, чтобы команда начальника, особенно въ сомкнутомъ строѣ, имѣла на людей магическое дѣйствіе.

Двухсторонніе маневры, съ ихъ обстановкою, напоминающею дѣйствительное дѣло, и потому всегда болѣе или менѣе волнующею людей, очень часто представляютъ начальникамъ практику для твердаго управленія частью. Мы слышали, что въ этихъ видахъ, а

также потому, что бываютъ случаи, въ которыхъ необходимо обрушить полную стремительность атаки (*), предполагалось въ нѣшней лагерь издать приказъ, который разрѣшалъ бы каждому начальнику подавать команду « ура », но подѣ строгою личною отвѣтственностью за своевременное удержаніе части въ порядкѣ. До сихъ поръ это право принадлежало только главному начальнику, руководящему ходомъ маневра. Въ предоставленіи его всѣмъ начальникамъ выразилось бы довѣріе къ ихъ умѣнью командовать людьми и твердости внутреннего порядка въ войскахъ.

Впрочемъ, вышеизложенными соображеніями еще не исчерпываются вопросы о значеніи остановки, дѣлаемой на двухстороннихъ маневрахъ во время атаки.

Остается еще въ полной силѣ возраженіе, что остановка на маневрахъ несогласна съ тѣмъ, что совершается въ дѣйствительномъ бою, и ежели она не деморализируетъ войска, то все-таки двухсторонніе маневры, въ томъ видѣ, какъ они производились до сихъ поръ, не могутъ приносить той пользы, которую принесутъ такіе же маневры, но соединенные со сквознымъ прохожденіемъ противника, или же маневры противъ непріятеля обозначеннаго, непредставляющаго никакихъ затрудненій для прохожденія его насквозь.

Съ точки зрѣнія представленія, по возможности, полной картины дѣйствительнаго боя, маневры со сквознымъ прохожденіемъ противника имѣютъ преимущество передъ обыкновенными двухсторонними маневрами. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаемъ, что пользу первыхъ въ нравственномъ отношеніи преувеличиваютъ, говоря, что сквозное прохожденіе сомнутаго строя должно, до нѣкоторой степени, притуплять въ войскахъ инстинктъ самосохраненія, приучая къ виду массы, рѣшительно наступающей, что то же, что въ одиночномъ фехтованіи видѣтъ у груди остріе штыка. Въ первый разъ фехтующій, пожалуй, будетъ мигать и беспокоиться при каждомъ, даже пустомъ, движеніи острія штыка противника, ибо отъ него онъ ожидаетъ удара, въ отраженіи котораго сильно заинтересованъ. Но развѣ сквозное прохожденіе сомнутаго строя возбудитъ беспокойство, похожее на волненіе, ощущаемое во время дѣйствительной атаки? Полагаемъ, что нѣтъ, за исключеніемъ лицъ, слишкомъ впечатлительныхъ. И потому нравственное значеніе сквознаго прохожденія или, вообще, сквозной атаки, заключается не въ самомъ процессѣ производства ихъ, т. е.

(*) Напримеръ, атака на батарею, брошенную прикрытіемъ, на пѣхоту, ожидающую нападенія, дѣлающую какое либо перестроеніе и готовую къ отпору, и проч.

въ движеніи одной массы насъвозъ другой, но въ томъ, на сколько это прохожденіе и дѣйствія, ему предшествующія, и вообще обстановка атаки, возбуждаютъ въ воображеніи людей картину дѣйствительнаго боя, что можетъ заставить подумать и объ ощущеніяхъ, испытываемыхъ въ семь послѣднемъ. Слѣдовательно, сквозная атака безъ обстановки, напоминающей настоящее дѣло, не произведетъ на массы особаго нравственнаго дѣйствія, а исполненная съ обстановкою, т. е. на маневръ или съ маневромъ, она подѣйствуетъ на нихъ въ томъ же духѣ, какъ и обыкновенный двухсторонній маневръ, сравнительно довольно полно представляющій картину боя; но само собою разумѣется, что впечатлѣніе маневра, законченнаго сквозною атакою, будетъ полнѣе, живѣе, нежели впечатлѣніе обыкновеннаго двухсторонняго маневра.

На основаніи вышесказаннаго желательно, чтобы на двухстороннихъ маневрахъ войска не останавливались, а проходили бы насъвозъ другъ друга. Въ сожалѣнію, этотъ приемъ, вѣроятно, не во всѣхъ случаяхъ окажется удобоисполнимъ, не потому, что онъ возбудитъ драку—отъ нея можно и удержать—но потому, что безразборчивое его примѣненіе можетъ производить большіе беспорядки; сквозная атака массы на массу удобна только тогда, когда онѣ стоятъ приблизительно параллельно другъ другу, и, по возможности, часть противъ части; на маневрахъ же, относительныя положенія противниковъ и отдѣльныхъ частей представляютъ весьма разнообразныя сочетанія.

Второй недостатокъ, приписываемый двухстороннимъ маневрамъ, также имѣющій деморализирующее вліяніе на массы войскъ, заключается въ томъ, что они, т. е. двухсторонніе маневры, приучаютъ войска къ отступленію, какъ къ дѣлу самому обыкновенному.

Нерѣдко, послѣ двухстороннихъ маневровъ, одна сторона съ великою гордостью объявляетъ, что она побѣдила, а другая оспариваетъ, не желая считаться побѣжденною, или же приводитъ въ свою пользу разныя оправданія. Но подобный споръ не болѣе, какъ удовлетвореніе тщеславія и самолюбія, иногда пустаго, иногда же серьезнаго; въ сущности же, большинство, движущееся на маневрахъ по приказанію, понимаетъ очень хорошо, что оно побито потому, что велѣно было отступить, и что въ настоящемъ дѣлѣ могло бы выйдти совершенно на оборотъ. При такомъ условіи, отступленіе должно представляться дѣломъ дѣйствительно самымъ обыкновеннымъ, но въ смыслѣ подчиненія необходимымъ условіямъ принятаго порядка

обученія, а отиць не въ смыслѣ признанія его обыкновеннымъ или необходимымъ съ точки зрѣнія воинской чести и достоинства.

Кромѣ того, на маневрахъ почти никогда не приходится быть постоянно побѣдителемъ или побѣжденнымъ; не только въ два, три дня, но даже въ теченіе часа, роли отдѣльныхъ частей отрядовъ мѣняются въ упомянутомъ отношеніи. Если даже, при вышеизложенныхъ условіяхъ, признавать, что отступленіе на двухстороннихъ маневрахъ деморализуетъ войска, то, для оправданія подобнаго мнѣнія, останется только одно объясненіе: обученіе войскъ отступленію вредно потому, что войска должно вести такъ, чтобы они не смѣли помышлять о возможности отступленія; чтобы они, такъ сказать, не знали о существованіи его. Понятно, что обученіемъ войскъ исключительно одному наступленію сказанная цѣль не можетъ быть достигнута; черезъ это мысль о возможности неудачи не умретъ. И вообще, возможно-ли тою или другою формою—такъ сказать механикою обученія—сдѣлать войска непобѣдимыми? Суворовъ не дѣлалъ «ретирадъ»; у него и на маневрахъ мирнаго времени никто не смѣлъ помышлять о нихъ. Войска, приготовленные Суворовымъ, дѣйствительно почти никогда не отступали передъ непріателемъ. Но, чтобы достигнуть такого результата, нужно было имѣть на массы то громадное вліяніе, которое имѣлъ Суворовъ. Объявить войскамъ, что они не должны помышлять о возможности отступленія, недостаточно, чтобы заставить ихъ позабыть о немъ; необходимо еще, чтобы они были убѣждены, что, подъ начальствомъ лица объявляющаго это, никогда не придется отступать, чтобы каждый солдатъ вѣрилъ въ него такъ же, какъ въ самого себя. Словомъ сказать, не форма обученія, но духъ начальника, его вліяніе надъ людьми могутъ сдѣлать войска непобѣдимыми. Примѣняясь къ этому, обучающій отступленію, пожалуй, научить своихъ людей отступать подобно львамъ, а другой, постоянно упражняющій въ наступленіи, ровно ничему не учить.

И такъ, слѣдовательно, нельзя согласиться, чтобы отступленіе на двухстороннихъ маневрахъ само по себѣ, безъ связи съ другими причинами, могло деморализовать войска, приучая или, правильнѣе, предрасполагая ихъ къ отступленію въ дѣйствительномъ дѣлѣ.

Для устраненія выше-разсмотрѣнныхъ недостатковъ двухстороннихъ маневровъ, предлагали: вмѣсто остановивъ въ 50-ти шагахъ отъ непріателя, ограничить маневры только огнестрѣльнымъ боемъ, не доводя до атаки, т. е. не доводя до позиціи, занятой обороняющимся на 250 или 300 шаговъ; для того же, чтобы не было побитыхъ, или чтобы отступле-

ніе одной стороны не являлось какъ послѣдствіе столкновенія, не производить атакъ на позиціи, занятыя войсками, а сначала очищать ихъ и затѣмъ уже приказывать наступающему атаковать позицію.

Если признавать, что остановка въ 50-ти шагахъ и отступление одной стороны могутъ, дѣйствительно, предпологать войска къ привычкамъ, въ нравственномъ смыслѣ, вреднымъ, то въ томъ же родѣ, хотя впрочемъ, можетъ быть, и въ меньшей степени, должно быть и дѣйствіе мѣръ, предложенныхъ выше; тѣмъ болѣе, что войска очень рѣдко будутъ останавливаться именно въ 250 шагахъ, а чаще будутъ сходиться на болѣе близкія разстоянія, т. е. на такія, на которыхъ, при современномъ вооруженіи, въ большинствѣ случаевъ уже начинается столкновеніе массъ: огонь залпами изъ сомнутаго строя и за тѣмъ натискъ въ штыки. Кромѣ того, прекращеніе наступленія въ 250 шагахъ отъ непріятели лишаетъ двухсторонній маневръ наглядности и того подобія дѣйствительному бою, которыя составляютъ его весьма важную особенность, сравнительно со всѣми прочими строевыми упражненіями.

Освободивъ двухсторонніе маневры отъ обвиненій въ недостаткахъ, составляющихъ результатъ особенностей, устраненіе которыхъ было бы болѣе или менѣе трудно или даже невозможно, приступимъ теперь къ сравнительной оцѣнкѣ трехъ различныхъ способовъ обученія войскъ маневрированію, а затѣмъ, къ разсмотрѣнію прочихъ недостатковъ двухстороннихъ маневровъ.

Занятія чисто-строевыя или уставныя научаютъ: всѣхъ чиновъ части (роты, баталіона и проч.) твердо звать различные строи, данные уставомъ для расположенія и дѣйствія въ бою, двигаться въ этихъ строяхъ и переходить изъ одного строя въ другой быстро и съ соблюденіемъ строгаго порядка и спокойствія; нижнихъ чиновъ—быть внимательными къ командамъ, сигналамъ и исполнять ихъ быстро, и, наконецъ, офицеровъ—командовать людьми, вызывая скорое, но отчетливое и несуетливое исполненіе. Дальше этихъ результатовъ, выражающихся, главнымъ образомъ, въ выработкѣ изъ части одного цѣлаго, быстро исполняющаго волю начальника, уставное или чисто-строевое образованіе не можетъ идти; все, выходящее за эти предѣлы и имѣющее цѣлью боевую подготовку войскъ, должно принадлежать полевымъ занятіямъ, или упражненіямъ въ полевой службѣ военного времени. Въ предѣлахъ, постановленныхъ условіями мирнаго обученія, т. е. пораженія противника только условно или

приблизно (*), полевые упражненія должны достигать слѣдующихъ цѣлей:

1) Приучать начальниковъ стрѣлковой цѣпи руководить огнемъ людей и направлять его согласно цѣли дѣйствія и сообразно различнымъ моментамъ боя, т. е. когда дѣйствовать по артилеріи, когда по цѣпи или по сомкнутому строю (**); начальниковъ частей — твердо управлять огнемъ изъ сомкнутаго строя и соразмѣрять съ котораго разстоянія открывать его при различныхъ условіяхъ, а также съ какихъ разстояній начинать бой къ атакѣ, брать на руку и командовать «ура», имѣя въ виду достигнуть непріятеля, не захватившись и потерявъ возможно-менѣе плотность строя.

2) Приучать людей при движеніи по трудной мѣстности, разбивающей порядокъ строя и среди боевой обстановки (хотя бы и мирнаго воспроизведенія), развлекающей вниманіе и болѣе или менѣе волнующей, быть постоянно внимательными къ командѣ и исполнять ее такъ же быстро, какъ и на плацу, на обыкновенномъ ученіи; вообще, при движеніи по мѣстности пересѣченной и трудно-проходимой строго соблюдать порядокъ, а въ случаѣ неизбежной потери онаго быстро его восстанавливать.

3) Легко и скоро оцѣнивать выгоды мѣстности для болѣе успешнаго пораженія непріятеля огнемъ и для закрытія себя отъ его огня, и умѣть пользоваться этими выгодами; въ цѣлой позиціи оцѣнивать пункты, имѣющіе особенную важность для обороны и направленія для атаки, способствующіе сбереженію войскъ отъ огня непріятеля.

4) По нѣсколькимъ открытымъ или обнаруженнымъ частямъ войскъ противника, заключать о его наиболѣе-вѣроятномъ расположеніи; среди распоряденій собственными войсками и наблюденія за ихъ дѣйствіями, постоянно не упускать изъ виду движеній непріятеля и соотносить съ ними свои собственные дѣйствія.

5) Управлять общимъ ходомъ дѣйствій или, вообще, распоряжаться войсками.

Отличительными особенностями современнаго боя отрядовъ, мало мадьяски значительныхъ и составленныхъ изъ всѣхъ трехъ родовъ

(*) Ученіе съ боевыми патронами только частью выходитъ изъ этихъ условій, ибо въ немъ атака въ штыки можетъ быть произведена лишь приблизительно.

(**) „Обученіе роты бою“ Кампѣ. „Взводные командиры и начальники группъ должны во всякій моментъ боя указывать людямъ предметъ для прицѣливанья, дистанцію и родъ пальбы, стараясь достигнуть наибольшей дѣйствительности выстрѣловъ, для чего избѣгать при упражненіяхъ торопливости, не сгибать связующіеся моменты боя и уяснять ихъ значеніе людямъ“.

оружія, служатъ, во-первыхъ, продолжительность, а во-вторыхъ—разнообразіе явленій и положеній.

Не останавливаясь на объясненіи всѣхъ причинъ, порождающихъ сказанныя особенности, укажемъ, главнымъ образомъ, на три: дальность и, пожалуй, силу пораженія современнаго огнестрѣльнаго вооруженія; весьма важное значеніе и вліяніе мѣстности на дѣйствія войскъ въ бою, дѣлающее иногда баталіонъ равносильнымъ тремъ и болѣе, и прерывчатость боеваго порядка или расположенія частей его (баталіоновъ) отдѣльно, на интервалахъ одинъ отъ другаго. Всѣ эти причины тѣсно связаны между собою и, можно сказать, такъ, что одна усиливаетъ и порождаетъ собою другую.

Столкновенію массъ (огню сомннутыхъ частей и натиску въ штыки) предшествуетъ болѣе или менѣе продолжительный огневой бой, начинающійся съ дальнихъ разстояній, и схватки передовыхъ частей отрядовъ (стрѣлковыхъ цѣпей и ихъ резервовъ). Противныя стороны развертываютъ силы не сразу, но какъ бы въ нѣсколько пріемовъ; сближеніе въ большинствѣ случаевъ представляетъ не непрерывное движеніе впередъ, но переходъ съ одной позиціи на другую, съ остановками на нихъ, смотря по силѣ огнестрѣльнаго пораженія противника, болѣе или менѣе продолжительными. Вся эта, такъ сказать, предварительная борьба дѣлится около мѣстныхъ предметовъ, представляющихъ выгоды обороняющемуся удерживать ихъ за собою, а атакующему овладѣть ими; войска группируются главнѣйшимъ образомъ около мѣстъ, за которыми непріятель держится упорнѣе. Уже вслѣдствіе однихъ этихъ причинъ, бой разбивается на участки; боевой порядокъ, самъ по себѣ прерывчатый, въ однихъ мѣстахъ разрывается еще болѣе, въ другихъ сгущивается. Еще болѣе разбивается связь частей въ боевомъ порядкѣ отъ дѣйствій противника, который почти никогда не дѣйствуетъ совершенно такъ, какъ рассчитывалось, какъ предполагалось; это противорѣчіе дѣйствительнаго съ заблаговременно—указаннымъ или предполагававшимся двойтъ дѣйствія всего отряда и отдѣльныхъ его частей, отвлекая ихъ болѣе или менѣе отъ первоначальныхъ цѣлей. Противныя стороны сошлись—и происходитъ столкновеніе массъ; на время войска выходятъ изъ рукъ начальниковъ и пропадаетъ (?) почти всякая возможность общаго руководства ихъ дѣйствіями. Но столкновеніе окончилось; одна сторона отступила; противники, такъ сказать, разцѣпляются; разстроенныя части приводятся въ порядокъ; изъ резерва выдвигаются свѣжія силы, и тогда снова начинается борьба, подобная вышеописанной, но, болѣе нежели часто, съ тою разницею, что

отдѣльные моменты боя быстрѣ слѣдуютъ одинъ за другимъ, сливаются между собою и даже вовсе исчезаютъ.

Не всякое боевое столкновение выливается въ такую форму; въ ней собраны самыя крупныя данныя, осложняющія и разнообразяющія современный характеръ боя. Столкновение небольшихъ отрядовъ разыгрывается обыкновенно проще и короче; тоже бываетъ иногда и при дѣйствіи силъ значительныхъ, напримѣръ хотя бы при рѣшительномъ превосходствѣ одной стороны въ силѣ огнестрѣльнаго пораженія, или, вообще, при большой разницѣ въ условіяхъ, матеріальныхъ силахъ и достоинствахъ. Но, какъ бы то ни было, каждый, маломальски самостоятельный въ отрядѣ начальникъ находится въ бою подъ тяготѣніемъ многихъ условій и данныхъ, часто другъ другу противорѣчащихъ, а именно: цѣли дѣйствія, указанной въ первоначальной диспозиціи или въ приказаніи, мѣстныхъ условій и дѣйствій противника, раскрывающихся постепенно и болѣе или менѣе неожиданно, и, наконецъ, послѣдующихъ приказаній и распоряженій, получаемыхъ отъ главнаго начальника, наблюдающаго ходъ дѣйствій не на мѣстѣ ихъ, но за версту, а часто и болѣе. И этотъ послѣдній находится въ подобномъ же трудномъ положеніи, но вдобавокъ онъ обремененъ личною, нравственною отвѣтственностью. Что же нужно для вѣрнаго соображенія выше-изложенныхъ данныхъ и для того, чтобы дѣйствія отдѣльныхъ частей отряда представляли возможное согласіе и единство, несмотря на боевую обстановку, разбивающую ихъ и зачастую заставляющую отходить и даже отказываться отъ цѣлей первоначально намѣченныхъ? Первое—и безспорно самое важное—это спокойное мужество, едва-ли не самое дорогое качество въ начальникѣ, не позволяющее опасности затмѣнить ясность мысли; оно дается природою, вырабатывается боевою практикою и не можетъ быть приобрѣтено непосредственно какими-либо мирными упражненіями. Второе—навыкъ скоро и вѣрно оцѣнивать и соображать данныя, имѣющія мѣсто въ дѣйствительномъ бою; привычка, не имѣя внушеній со стороны, полагаться на свое собственное рѣшеніе, т. е. быть самостоятельнымъ, отдавать приказанія кратко и опредѣлительно, и наконецъ, вообще распоряжаться войсками находчиво, спокойно и безъ суеты.

Полевые упражненія мирнаго времени—аванпостныя ученія, ученія съ тактическою цѣлью, маневры разнаго рода—представляющія возможность воспроизводить хотя нѣкоторыя изъ данныхъ, имѣющихъ мѣсто въ дѣйствительномъ бою, должны способствовать выра-

ботѣ и пріобрѣтенію тѣхъ качествъ, которыя поименованы выше (подъ рубрикою—второе).

Можетъ быть, прочитавъ всѣ вышензложенныя требованія, нѣкоторые подумаютъ, что это все-таки будетъ теорія, которая, при всѣхъ стараніяхъ, останется всегда далеко непохожею на практику, и чтобы сдѣлаться послѣднею, ей будетъ недоставать самаго важнаго: человѣка и живыхъ массъ, волнуемыхъ опасностью и обстановкою дѣйствительнаго боя, и случайностей, безспорно самыхъ важныхъ, вытекающихъ изъ нравственной природы человѣка и заставляющихъ иногда сотни опрокидывать тысячи и, обратно, тысячи бѣжать передъ сотнями. Къ чему, въ такомъ случаѣ, мирная практика, которая, въ сравненіи съ дѣйствительностью, представляется не болѣе какъ жалкою теоріей? Справедливо, что мирная практика много непохожа на настоящую, и что эта разница составляетъ обстоятельство, которое, при увлеченіи нѣкоторыми сторонами дѣла, нерѣдко порождаетъ вредныя послѣдствія. Вопросъ: какъ уберечься отъ нихъ, имѣть первостепенную важность, и впослѣдствіи будетъ необходимо обратиться къ нему. Но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что отверженіе практики мирнаго времени было бы совершенно справедливо и умѣстно въ томъ лишь случаѣ, если бы возможно было устранивать и давать войскамъ настоящую практику, когда угодно, или, по крайней мѣрѣ, не рѣже, какъ, напримѣръ, черезъ десять лѣтъ. Каждый очень хорошо знаетъ, что этимъ средствомъ образованія не только нельзя располагать по произволу, но даже и пользоваться періодически.

Выше было упомянуто о трехъ различныхъ способахъ производства маневровъ: а) безъ противника, или, правильнѣе, противъ противника воображаемаго; б) противъ противника обозначеннаго флагами и командами войскъ и в) противъ противника дѣйствительнаго и располагающаго тою-же возможностью дѣйствія, какъ и сторона маневрирующая. Послѣдній способъ представляетъ общепринятыя у насъ двухсторонніе маневры. Послѣ сказаннаго относительно цѣлей полевыхъ занятій, легко видѣть, что они, тремя упомянутыми способами производства маневровъ, должны достигаться въ различной и неравной степени, и что сказанныя цѣли могутъ быть достигнуты полнѣе маневрами съ противникомъ, нежели безъ противника, а также маневрами съ противникомъ дѣйствительнымъ, нежели съ обозначеннымъ лишь примѣрно.

На одностороннихъ маневрахъ цѣлью дѣйствій отряда служить какая-либо мѣстность съ воображаемымъ на ней непріателемъ; если

мѣстность представляеть рельефно-выдающіяся особенности, то эти маневры имѣютъ ту же, даже большую, степень наглядности, что и маневры противъ непріятеля обозначеннаго флагами. Обыкновенно, односторонній маневръ небольшого отряда или, вообще, несложный состоитъ въ атакѣ какого-либо мѣстнаго предмета; въ данномъ случаѣ, цѣль дѣйствія совершенно ясна и не приходится воображать различные положенія непріятеля или различные моменты боя. Когда односторонній маневръ производится съ значительными силами и имѣется въ виду показать войскамъ и отраженіе обходовъ, и атаки во флангъ и проч., то, не ограничиваясь предположеннымъ, что данная мѣстность или позиція занята непріятелемъ, предполагають еще, что онъ дѣйствуетъ: то отступаетъ, то переходитъ въ наступленіе, то къ нему приходятъ подкрѣпленія, онъ атакуеть наступающаго во флангъ и заставляетъ его пережѣнять фронтъ и т. п. Всѣ эти обстоятельства, придуманныя заблаговременно, объясняются начальникамъ частей въ формѣ предположенія ученья, а они обязаны держать ихъ въ памяти, и въ различные моменты боя воображать непріятеля согласно программѣ ученья. Не говоря уже о томъ, что такую умственную работу не придется заниматься въ дѣйствительномъ бою, нельзя не замѣтить, что если заранѣе предположенные дѣйствія воображаемаго непріятеля легко удержать лицу, составившему предположеніе ученья, то всѣмъ прочимъ лицамъ сдѣлать то же гораздо труднѣе; къ тому же програма ученья, переходя по лѣстницѣ отъ высшихъ къ низшимъ, должна доходить до сихъ послѣднихъ (при словесномъ объясненіи) въ томъ оборванномъ видѣ, который не въ состояніи возбудить интереса къ тактическому предположенію, или къ идеѣ ученья. По этимъ причинамъ мы полагаемъ, что односторонніе маневры, за исключеніемъ самыхъ простыхъ, представляющихъ атаку мѣстнаго предмета, ясно-очерченной позиціи и прочее, не имѣютъ той наглядности и очевидности, которыя желательно видѣть въ каждомъ полевоомъ упражненіи, чтобы оно возбуждало въ участвующихъ въ немъ возможно-большій интересъ и дѣятельность мысли.

Можно вообразить, что непріятель занимаетъ такой-то мѣстный предметъ, переходитъ въ наступленіе или обходитъ по тому-то направлению и т. п., но нельзя вообразить себѣ подробности дѣйствій непріятеля, напримѣръ: онъ усилилъ цѣпь, подвелъ резервы, чтобы встрѣтить нашу цѣпь штыками, выдвинулъ батарею, развернулъ колоны, чтобы встрѣтить залпами, двинулся въ штыки и т. п. Поэтому односторонніе маневры не представляютъ иррактики:

а) Для управленія огнемъ цѣпи и сомнутаго строя, а также для

соразмѣренія разстояній открытія огня залпами и начала атаки въ штыки, такъ какъ наступленіе производится часто не противъ видимой и ясно-очерченной цѣли (напримѣръ, роща, деревня и проч.), но по мѣстности, неизмѣющей вовсе выдающихся особенностей.

б) Для оцѣнки непріятельскаго расположенія и дѣйствій и для постоянного сноровливанія съ ними своихъ собственныхъ распоряженій.

в) Односторонніе маневры даже недостаточны для пріобрѣтенія навыка разумно пользоваться мѣстностью для лучшаго пораженія непріятеля и закрытія себя отъ его огня, ибо нельзя научиться пользоваться въ этомъ смыслѣ мѣстностью, не имѣя передъ собою непріятеля, который своими дѣйствіями придаетъ ей то или другое значеніе.

г) Дѣйствительнаго или, по крайней мѣрѣ, видимаго непріятеля на одностороннемъ маневрѣ нѣтъ; дѣйствія же воображаемаго непріятеля представляются въ самыхъ общихъ чертахъ и разнообразятся, главнымъ образомъ, тѣмъ, что онъ наступаетъ или отступаетъ то по одному, то по другому направленію; слѣдовательно, обстановка одностороннихъ маневровъ не достаетъ условія, служащаго въ настоящемъ бою, а также на маневрахъ двухстороннихъ, причиною, которая весьма сильно нарушаетъ согласіе и единство дѣйствій отдѣльныхъ частей отряда и въ такой же степени затрудняетъ управленіе общимъ ходомъ дѣйствій войскъ. Къ тому же, на одностороннихъ маневрахъ измѣненія въ положеніяхъ непріятеля совершаются по заранѣе-сдѣланному предположенію, или по личнымъ указаніямъ начальника, объявляемымъ во время исполненія маневра. Слѣдовательно, въ большинствѣ случаевъ, приходится только исполнять, болѣе или менѣе самостоятельно, заранѣе предписанное или полученное на мѣстѣ маневра, но не быть въ положеніи, въ которомъ находишься въ дѣйствительномъ бою, въ которомъ необходимо свои распоряженія согласовать съ первоначально-полученнымъ приказаніемъ или диспозиціею, съ приказаніями, получаемыми впоследствии, въ теченіе самаго боя, съ ходомъ дѣйствій частей войскъ, находящихся по сосѣдству, съ ходомъ дѣйствій непріятеля, а своевременною посылкою донесеній держать начальника, по возможности, въ извѣстности на счетъ положенія и успѣха дѣйствій своей собственной части. Поэтому нельзя не признать, что односторонніе маневры не могутъ въ достаточной степени выработать въ частныхъ начальникахъ находчивость и быстроту соображеній, способность къ самостоятельнымъ рѣшеніямъ и навыкъ управлять общимъ ходомъ дѣйствій войскъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ

разобрать, на сколько это достижимо при маневрахъ съ противникомъ дѣйствительнымъ.

Но, признавая за односторонними маневрами вышеупомянутые недостатки, было бы неправильно отрицать безусловно ихъ пользу. Въ ряду различныхъ видовъ уставныхъ и полевыхъ занятій они имѣютъ свое полезное значеніе.

1) При обыкновенныхъ уставныхъ упражненіяхъ, части войскъ двигаются по тому направленію, по которому они приходится идти, не имѣя въ виду видимой цѣли; вниманіе части равненія обращается на точное соблюденіе сказаннаго направленія, а вниманіе прочахъ частей, находящихся въ одной линіи съ частью равненія, на сохраненіе общей съ этою послѣднею линіи и узаконенныхъ отъ нея интерваловъ. На одностороннихъ маневрахъ то и другое движеніе совершается по направленію къ видимой цѣли; приходится сосредоточиваться не только съ частью равненія, но и съ цѣлью движенія, и уже вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе обусловливанія ученія тактической цѣлью, встрѣчаются случаи отступленій отъ устава, или, правды бы, примѣненій его къ условіямъ боевой обстановки.

2) При дѣйствіи противъ воображаемаго непріятеля, существуетъ полный произволъ представлять его дѣйствія и положенія въ самомъ разнообразномъ видѣ, заставляя его отступать и наступать то по одному, то по другому направленію; вообще, простая и несложная обстановка односторонняго маневра позволяетъ давать ему весьма произвольныя направленія. Поэтому, на одностороннемъ маневрѣ начальникъ можетъ продѣлать сколько угодно и какія угодно уставныя построенія, примѣняя ихъ къ мѣстности и къ той боевой обстановкѣ, которая допускаются условіями односторонняго маневра.

3) Разсматриваемые маневры весьма удобны, чтобы приучать войска преодолевать мѣстныя препятствія; при прохожденіи оныхъ, возможно менѣе разстраиваться и быстро возстанавливать требуемый порядокъ, въ случаѣ неизбежнаго разстройства.

Такимъ образомъ, относительно одностороннихъ маневровъ, можно сдѣлать слѣдующія общія заключенія:

1) Составляя по формѣ среднее между уставными ученіями и маневрами съ противникомъ, они тѣмъ болѣе приближаются ко вторымъ, чѣмъ болѣе въ обстановкѣ ихъ и въ порядкѣ производства наглядности и подобія дѣйствительному бою; при условіяхъ обратныхъ, они должны приводить къ результатамъ мало-отличнымъ отъ тѣхъ, которые даютъ обыкновенныя уставныя упражненія.

2) Какъ для уставнаго, такъ и для тактически—практическаго образованія войскъ, они могутъ принести существенную пользу; почему для перваго — понятно; для втораго же потому, что они составляютъ весьма естественный и удобный переходъ отъ упражненій простыхъ—уставныхъ ученій—къ болѣе сложнымъ—маневрамъ съ противникомъ.

3) За всѣмъ тѣмъ, даже при возможно—наглядномъ производствѣ, они далеко не достигаютъ всѣхъ цѣлей, къ которымъ должны приводить полевые занятія.

Выше было упомянуто, что маневры съ противникомъ, обозначеннымъ флагами, не могутъ быть, по степени наглядности, поставлены выше одностороннихъ маневровъ, производимыхъ на мѣстности, представляющей выдающіяся особенности. Въ лагерѣ подъ Искулемъ (близъ города Риги) этотъ способъ обозначенія непріятеля былъ испытанъ и, по свидѣтельству корреспондента «Русскаго Инвалида», оказался неудобнымъ потому, что «онъ недостаточно наглядно представляетъ то, что должно представить и, оставляя многое пополюбить воображенію солдата, производитъ путаницу». По этому, не останавливаясь на упомянутомъ способѣ, перейдемъ къ разсмотрѣнію маневровъ противъ непріятеля, обозначеннаго командами или уменьшенными частями войскъ.

Обозначеніе расположенія непріятеля частями войскъ можетъ быть исполнено различнымъ образомъ; онѣ могутъ быть употреблены: а) для обозначенія передней линіи огня позиціи, т. е. стрѣлковыхъ цѣпей и артилерійскихъ батарей; б) для обозначенія послѣднихъ и частей сомкнутаго строя и, наконецъ, в) для обозначенія какъ первой линіи огня, такъ и частей сомкнутаго строя. Сомкнутый же строй можетъ быть изображенъ двоякимъ образомъ: или въ видѣ нѣсколькихъ человѣкъ, обозначающихъ фланги ротъ, взводовъ и полувзводовъ, или въ видѣ уменьшенной части строя, поставленной въ одну и въ двѣ шеренги; примѣняясь къ послѣднему, рота можетъ быть обозначена взводомъ, полувзводомъ и даже отдѣленіемъ; при употребленіи первыхъ двухъ частей строя, всегда можно часть людей отдѣлать впередъ для обозначенія стрѣлковой цѣпи.

Въ нашей арміи такого рода маневры (съ обозначеннымъ непріятелемъ), кажется, почти вовсе не употреблялись до настоящаго времени. Въ прошломъ 1869 году они были испытаны, какъ мы сказали, въ лагерѣ подъ *Искулемъ*. Здѣсь былъ произведенъ маневръ, заключавшійся въ простой атакѣ лѣса, отрядомъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, двухъ саперныхъ батальоновъ и двухъ батарей. Непріятель былъ обозначенъ двумя саперными батальонами, четырьмя орудіями и

50 казаками; изъ каждой саперной роты былъ составленъ батальонъ, такъ что въ ротахъ этихъ батальоновъ было всего по 24 человека; каждое изъ орудій представляло 4 орудія, а 25 казаковъ сотню. Кроме этого, въ томъ же лагерѣ пробовали обозначать роту 8-ю нижними чинами, т. е. фланговыми въ каждомъ полувзводѣ. Оказалось, что «24 нижнихъ чина слишкомъ подходятъ къ настоящему строю роты и что целесообразнѣе обозначать роту 8-ю нижними чинами, которыхъ достаточно для обозначенія протяженія фронта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ не слишкомъ много».

На этомъ послѣднемъ числѣ нижнихъ чиновъ, кажется, остановились еще и потому, что оно менѣе перваго представляетъ препятствій для производства сквозныхъ атакъ, хотя на упомянутомъ выше маневрѣ, т. е. при обозначеніи роты 24-мя нижними чинами, сквозныя атаки производились (по свидѣтельству корреспондента), безъ малѣйшаго замѣшательства.

Придумать для обозначенія непріятеля какой-либо одинъ способъ, одинаково пригодной для всѣхъ случаевъ, едва ли возможно. Полагаемъ, что различные вышеупомянутые способы должны употребляться сообразно съ характеромъ мѣстности или позиціи, назначенной для расположенія противника, сложности маневра и цѣли, которую онъ имѣетъ. Такъ, напримѣръ, при маневрѣ, заключающемся въ атакѣ лѣса, въ которомъ бой сосредоточивается главнымъ образомъ на опушкѣ, можно довольствоваться обозначеніемъ вдоль ея цѣпи стрѣлковъ и постановкою сзади лѣса нѣсколькихъ уменьшенныхъ частей сомкнутого строя, которыя дѣйствовали бы по сторонамъ лѣса въ случаѣ обхода и атакъ въ обхватъ, а по занятіи лѣса маневрирующимъ препятствовали бы ему дебушировать изъ него. При маневрированіи небольшихъ частей, ротъ и батальоновъ, и въ особенности на мѣстности, незатрудняющей обзорѣніе, сомкнутыя части могутъ быть весьма удобно обозначены одними фланговыми (съ жалонерными значками); напротивъ, при маневрированіи большаго отряда и на мѣстности закрытой, этого способа недостаточно, а необходимо употребить уменьшенныя части строя и т. п. Во всякомъ случаѣ, употребляя различные способы обозначенія, можно придать разсматриваемымъ маневрамъ большую наглядность, слѣдовательно и вразумительность, сравнительно съ маневрами односторонними, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избавить начальниковъ частей отъ немалотрудной обязанности воображать себѣ непріятеля, приходящагося часто на мѣстности совершенно безразличной.

Относительно общаго порядка производства разсматриваемыхъ ма-

невровъ, можно привести указанія, данныя на этотъ предметъ въ прусскомъ уставѣ, а именно:

1) Офицеру, завѣдывающему командами для обозначенія непріятеля, заблаговременно и весьма точно указываются различныя позиціи и движенія, которыя сей послѣдній долженъ послѣдовательно исполнять въ продолженіе маневра.

2) Войскамъ сообщается заблаговременно только общая идея маневра (предположеніе), первоначальный сборный пунктъ и общій порядокъ расположенія на немъ отряда. Затѣмъ, самый маневръ исполняется по командамъ и словеснымъ приказаніямъ, отдаваемымъ на мѣстѣ.

3) Начальникъ маневрирующей части лично распоряжается какъ ея дѣйствіями, такъ и дѣйствіями обозначеннаго непріятеля, который самъ по себѣ исполняетъ только то, что ему предписано заранее или будетъ приказано на мѣстѣ маневра; его единственное назначеніе быть причиною различныхъ движеній и дѣйствій, которыя маневрирующія части должны исполнить согласно идеѣ маневра и по усмотрѣнію главнаго начальника.

4) Начальникъ раздѣляетъ маневръ, по отдѣльнымъ движеніямъ, на части и дѣлаетъ между ними остановки, стараясь, чтобы онѣ не разбивали ходъ маневра неправдоподобнымъ образомъ, и чтобы производились въ тѣ моменты маневра, въ которые могутъ имѣть мѣсто въ дѣйствительномъ дѣлѣ.

Подобныя остановки, надо полагать, крайне необходимы, ибо обозначающія непріятеля команды, будучи организованы только временно, не въ состояніи переходить изъ одного положенія въ другое столь же легко и скоро, какъ и маневрирующія войска; безъ остановокъ въ маневрѣ онѣ не успѣвали занимать своевременно указанныя имъ положенія, чтобы служить послѣдовательными цѣлями для маневрирующихъ. Понятно также, что обозначенный непріятель, занимая какую-либо позицію или мѣстность, не можетъ на ней маневрировать; правильнѣе—его дѣйствія должны по необходимости ограничиваться, по преимуществу, только простыми движеніями впередъ и назадъ, т. е. обозначеніемъ переходовъ въ наступленіе и отступленіе. Первое можетъ придтись во флангъ маневрирующимъ войскамъ и вызвать часть ихъ на перемѣну фронта и направленія маневра.

Изъ вышеизложеннаго нетрудно видѣть, что общій ходъ маневра съ обозначеннымъ непріятелемъ долженъ представлять совершенно почти то же, что и односторонній маневръ, имѣющій цѣлью

какую-либо мѣстность или позицію съ воображаемымъ на ней непріателемъ, а также, что въ обстановѣ перваго имѣютъ мѣсто почти тѣ же боевыя данныя и условія, что и въ обстановѣ втораго. Если маневръ съ обозначеннымъ непріателемъ и имѣетъ преимущества, то они заключаются въ наглядности и очевидности всѣхъ движеній и дѣйствій маневрирующей части. Благодаря этому, маневры съ обозначеннымъ непріателемъ должны представлять, сравнительно съ односторонними, слѣдующія, весьма важныя выгоды:

1) Они дадутъ возможность показать людямъ вѣрную картину наступленія и атаки непріательской позиціи отъ начала до конца, т. е. до послѣдняго момента атаки.

2) При наглядномъ и полномъ обозначеніи расположенія противника (обозначеніе стрѣлковой цѣли, частей сомнутаго строя и артилеріи), представятъ практику для направленія огня стрѣлковой цѣли, согласно цѣли дѣйствія и сообразно различнымъ моментамъ боя (когда въ артилерію, когда въ стрѣлковъ, когда въ колоны).

3) Представляя войскамъ постоянно непріателя видимаго, но воображаемаго, они будутъ наглядно убѣждать маневрирующія войска въ важности умѣть пользоваться мѣстностью какъ для пораженія непріателя, такъ и для закрытія себя отъ его огня; слѣдовательно на маневрахъ съ видимымъ противникомъ навыкъ примѣняться къ мѣстности будетъ приобретаться войсками легче и основательнѣе; и

4) Разсматриваемые маневры будутъ способствовать, также въ большей степени, приобретенію привычки строго держаться при всѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ указанной цѣли, не уклоняться отъ нея безъ надобности и вообще сообразоваться не только съ мѣстностью, но и съ положеніемъ непріателя.

Въ остальномъ, относящемся до развитія въ начальникахъ находчивости и быстроты соображеній, способности къ самостоятельнымъ рѣшеніямъ и навыка управлять общимъ ходомъ дѣйствій войскъ, маневры съ обозначеннымъ непріателемъ, безъ сомнѣнія, также имѣютъ преимущество передъ маневрами односторонними; но, сравнительно съ двухсторонними, они представляютъ средство недостаточное и неполное для выработки вышеупомянутыхъ качествъ. Причина тому заключается въ слѣдующемъ:

1) Выше было сказано, что дѣйствія обозначеннаго непріателя, состоящія, главнымъ образомъ, въ занятіи нѣсколькихъ послѣдовательныхъ положеній, по необходимости должны ограничиваться самими простыми движеніями впередъ и назадъ въ прямомъ направленіи. Лишенный средствъ и возможности маневрировать такъ же сво-

бодно, какъ сторона обучающаяся, онъ будетъ служить для нея лишь видимою цѣлью, которая, въ большинствѣ случаевъ, отъ начала наступленія противъ какой-либо позиціи до занятія ея, или будетъ оставаться неподвижною, или будетъ, сравнительно, мало измѣнять первоначальное положеніе. Кончится наступленіе противъ одной позиціи, обозначенный непріятель перейдетъ на другую и дѣйствія противъ этой будутъ отличатся тѣмъ же характеромъ, что и противъ первой. Между тѣмъ, на двухстороннихъ маневрахъ оба противника, располагая въ одинаковой степени возможностью дѣйствій и движеній, маневрируютъ одинаково свободно.

Поэтому совершенно естественно, что маневръ съ обозначеннымъ непріятелемъ не можетъ представить той полной, разнообразной и подвижной обстановки, какую имѣетъ маневръ двухсторонній; къ тому же въ то время, какъ въ первомъ положеніе непріятели обозначается почти сразу, во-второмъ оно выясняется послѣдовательно, а это придаетъ двухстороннему маневру тотъ характеръ неизвѣстнаго и случайнаго, который побуждаетъ начальника рѣшаться иногда на то или на другое распоряженіе, при данныхъ далеко неполныхъ. Вслѣдствіе этихъ причинъ, маневръ съ обозначеннымъ противникомъ не можетъ представить всѣхъ тѣхъ условій и данныхъ двухсторонняго маневра, которыя, являясь болѣе или менѣе случайно и неожиданно (это перемѣны въ положеніяхъ и дѣйствіяхъ непріятели), разнообразятъ дѣйствія отдѣльныхъ частей отряда, препятствуютъ имъ въ достиженіи указанныхъ цѣлей и, вообще, разбивая единство и согласіе дѣйствій, составляютъ одну изъ самыхъ важныхъ причинъ, почему такъ легко двигать полки на ученьяхъ съ тактической цѣлью—на маневрахъ одностороннихъ и съ обозначеннымъ противникомъ—и такъ трудно на маневрахъ двухстороннихъ; и почему часто отрядъ, хорошо маневрирующий въ первомъ случаѣ, совершенно расплзается и выходитъ изъ рукъ во-второмъ.

2) На маневрахъ съ обозначеннымъ непріятелемъ начальники отдѣльныхъ частей поставлены къ начальнику отряда и начальникамъ сосѣднихъ частей въ отношенія, похожія на отношенія, имѣющія мѣсто на одностороннихъ маневрахъ. Начальнику, производящему маневръ заблаговременно, извѣстны расположеніе и движенія обозначеннаго непріятели. Начальники же отдѣльныхъ частей знаютъ, что отъ начала наступленія до занятія позиціи противникъ никакихъ крупныхъ измѣненій въ своемъ расположеніи не сдѣлаетъ; слѣдовательно имъ нѣтъ надобности—а вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ и практики—слѣдить внимательно за движеніями непріятели и отъ

времени до времени, и въ важныхъ случаяхъ, уведомить начальника отряда о положеніи своей собственной части, о дѣйствіяхъ непріятеля и подъ-часъ сообщить о томъ же сосѣду, напримѣръ когда его обходить, отбѣзываютъ и проч. Имѣяніе случая часто командовать на маневрахъ отдѣльною частью, вѣроятно, не разъ платились, или, правильнѣе, встрѣчали какую-либо изощренность за несоблюденіе начальниками сосѣднихъ частей вышеупомянутыхъ правилъ.

Такимъ образомъ, первое преимущество двухстороннихъ маневровъ, сравнительно съ маневрами противъ обозначеннаго непріятеля, заключается въ томъ, что они должны въ большей степени способствовать развитію въ частныхъ начальникахъ находчивости и быстроты соображеній, способности къ самостоятельнымъ рѣшеніямъ и приобрѣтенію навыка и нѣкоторыхъ приемовъ, необходимыхъ для управленія войсками во время боя. Но, кромѣ этого, двухсторонніе маневры имѣютъ еще и другія весьма важныя преимущества.

Во 1-хъ. Двухсторонніе маневры представляютъ столь полное и живое подобіе дѣйствительному бою, столько случаевъ для обнаруженія находчивости, смѣтливости и предпримчивости даже нижними чинами (напримѣръ, наблюденіе и высматриваніе непріятеля, вѣрность и ясность донесеній, скрытное приближеніе къ противнику и т. п.), что развитіе ихъ, въ смыслѣ выработки нѣкоторыхъ военныхъ качествъ, едва-ли ограничивается только кругомъ лицъ распоряжающихся; напротивъ, скорѣе слѣдуетъ полагать, что оно распространяется также и на массы, и должно не только развивать въ нихъ смѣтливость, находчивость и прочія качества, но даже способствовать, до нѣкоторой степени, образованію въ нихъ воинскаго духа. Последнее вѣроятно потому, что двухсторонніе маневры, представляя живую и правдоподобную картину боя, должны возбуждать въ средѣ солдатъ размышленія и разговоры объ ихъ боевыхъ обязанностяхъ и о различныхъ случайностяхъ боя. Вдобавокъ слѣдуетъ замѣтить, что ни одно изъ строевыхъ занятій не нравится въ такой степени солдатамъ, какъ маневры (*), само-собою разучится, если не доводить до истощенія людей и не обращать маневры въ суету и безцѣльное хожденіе взадъ и впередъ, какъ это иногда случается.

Во 2-хъ. Двухсторонніе маневры представляютъ соединеніе всѣхъ отдѣловъ полевой службы военного времени (сторожевая служба, движенія въ походномъ порядкѣ вблизи непріятеля и маневрированіе наполю сраженія). Такое соединеніе важно уже потому, что оно нерав-

(*) Лагерь подъ Луцкомъ. „Русскій Инвалидъ“ № 129.

рынно въ настоящей войнѣ; но кромѣ того оно и полезно, ибо: а) окончательно осваиваетъ войска съ великою важностью сторожевой службы и знакомитъ со многими подробностями и случаями ея отправления; б) приучаетъ людей къ толковымъ, яснымъ допесеніямъ, обращая это дѣло въ занятіе дѣйствительно цѣлесообразное, и в) научаетъ начальниковъ давать допесеніямъ передовыхъ постовъ настоящую цѣну (безъ преувеличиваній), и дѣйствовать, основывая на нихъ свои распоряженія.

Но, перечисляя различныя преимущества двухстороннихъ маневровъ передъ маневрами съ обозначеннымъ непріятелемъ, нельзя не замѣтить, что всѣ они имѣютъ отнюдь не безусловное, но только относительное значеніе; ибо во 1-хъ: маневры втораго рода могутъ быть произведены различнымъ образомъ, а при удачномъ и довольно полномъ обозначеніи противника, также при ловкомъ веденіи, они представляютъ войскамъ праятику почти столь-же полезнаю и почти столь-же полную, что и двухсторонніе; во 2-хъ: степень пользы, приносимой двухсторонними маневрами, зависитъ еще весьма много отъ порядка производства ихъ и отъ того, на какія стороны послѣдняго обращается преимущественное вниманіе. Оставляя пока въ сторонѣ этотъ вопросъ, укажемъ на одну весьма важную особенность, или, правильнѣе, на недостатокъ двухстороннихъ маневровъ, опредѣляющій ихъ мѣсто и значеніе въ ряду двухъ другихъ способъ обученія войскъ маневрированію (безъ противника и съ противникомъ обозначеннымъ).

Выше было упомянуто, что обстановка двухстороннихъ маневровъ отличается полнотою, разнообразіемъ и подвижностью, или, вообще, сравнительно большею тождественностью обстановкѣ дѣйствительнаго боя. Это обстоятельство, имѣя за собою большое преимущество, служитъ въ то-же время и источникомъ весьма важнаго неудобства. Какъ бы двухсторонній маневръ ни производился, но, во всякомъ случаѣ, на немъ начальникъ, обучающій свою часть маневрированію (руководящій обѣими сторонами), не можетъ слѣдить за всѣми подробностями дѣйствій такъ же легко и удобно, какъ на маневрѣ съ противникомъ обозначеннымъ, и въ особенности на одностороннемъ, и тѣмъ болѣе если маневрируетъ на двѣ стороны отрядъ значительный, или же, вообще, боевое столкновеніе случижось на мѣстности закрытой и пересѣченной. Хотя начальникъ можетъ, даже и долженъ, приостановить маневръ, когда исполненіе его ведется совершенно ошибочно, но на двухстороннемъ маневрѣ сдѣлать это

сравнительно труднѣе и менѣе удобно, нежели на одностороннемъ, а также и на маневрѣ съ обозначеннымъ непріятелемъ.

По этимъ причинамъ, часть, необученная заблаговременно, на примѣръ своевременному открытію огня, правильному занятію позиціи, ловкому примѣненію мѣстности и т. д., имѣетъ малую вѣроятность обучиться всему этому обстоятельно на маневрахъ двухстороннихъ. Говоря такъ, мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, двухсторонніе маневры цѣлыхъ отрядовъ, но не ротъ и батальоновъ, которыми, даже при дѣйствіи на двѣ стороны, можно управлять и руководить легко и удобно. Вообще двухсторонніе маневры, соединяя всѣ боевыя условія и данныя, которыя возможно ввести въ мирное обученіе, представляютъ школу сравнительно сложную и трудную, къ разучиванію которой благоразумнѣе приступать тогда, когда будутъ усвоены вѣкоторыя, такъ сказать, элементарныя подробности, ее составляющія; для достиженія же этой цѣли, слѣдовательно вообще для первыхъ уроковъ, могутъ быть весьма полезны маневры односторонніе противъ различныхъ мѣстныхъ предметовъ, или, вообще, видимыхъ цѣлей, и маневры съ противникомъ обозначеннымъ.

Такимъ образомъ, общій ходъ или послѣдовательность строевыхъ занятій должна быть слѣдующая:

1) Ученья по уставу; цѣль—твердое знаніе всѣхъ строевъ, движеніе въ нихъ, быстрый переходъ изъ одного строя въ другой, привычка быть внимательнымъ къ командѣ, скоро исполнять ее и навыкъ командовать людьми.

2) Ученья съ тактической цѣлью безъ противника и съ противникомъ обозначеннымъ; цѣль—пріобрѣтеніе навыка двигаться въ порядкѣ по мѣстности закрытой и пересѣченной, пользоваться выгодами мѣстности какъ при наступленіи, такъ и при оборонѣ (сюда можно ввести занятіе и атаку различныхъ мѣстныхъ предметовъ); при всѣхъ движеніяхъ и дѣйствіяхъ строго держаться указанной цѣли и безъ надобности не уклоняться отъ нея, а также пріученіе офицеровъ управлять огнемъ цѣли и сомкнутого строя, направляя его сообразно цѣли дѣйствія и обстановки боя, и навыкъ атаку въ штыки начинать съ должнаго разстоянія.

3) Ученья аванпостныя на двѣ стороны, изученіе различныхъ пріемовъ сторожевой службы и пріобрѣтеніе навыка въ сторожевомъ наблюденіи.

4) Маневры на двѣ стороны; цѣль—повтореніе вышеизложеннаго и еще развитіе въ людяхъ находчивости, смѣтливости и привычки строгаго подчиненія командѣ даже среди общаго увлеченія; пріученіе

начальниковъ быстро соображать условія и положенія боя, рѣшаться самостоятельно, и усвоеніе приемовъ и пріобрѣтеніе навыка, необходимыхъ для управленія общимъ ходомъ дѣйствій войскъ въ бою.

Здѣсь указаны противъ каждаго рода занятій только особыя и главнѣйшія цѣли ихъ, чтобы обозначить связь и послѣдовательность, которыя находятся между ними. Но, въ сущности, разграничивать точно цѣли различныхъ упражненій невозможно, ибо нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, развитіе въ людяхъ строгаго вниманія къ командѣ, смѣлливости, находчивости и т. п., должны достигаться безъ исключенія всѣми видами строевыхъ занятій. Также несомнѣнно, что все усвоенное въ предшествовавшихъ занятіяхъ должно непрерывно повторяться при послѣдующихъ, и не только не ослабѣвать, но даже укрѣпляться еще болѣе. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть ничего вреднѣе взгляда, что на маневрахъ не слѣдуетъ требовать отъ части того строгаго порядка, который обязателенъ для нея на плацу. Смотрѣть на дѣло такимъ образомъ значитъ трудную и полезную работу разрушать своими же собственными руками.

Говоря о маневрахъ съ обозначеннымъ непріателемъ, мы не скажемъ ничего объ *ученьѣ съ боевыми патронами* и зарядами для пѣхоты и артилеріи. Между тѣмъ, оно представляетъ не что иное какъ маневръ противъ непріателя, обозначеннаго мшшенями, соединенный съ боевою стрѣльбою по нимъ. Вслѣдствіе таковой двойственности, ученье съ боевыми патронами и зарядами должно способствовать достиженію двойной цѣли: съ одной стороны, пріучаетъ войска къ боевому маневрированію; съ другой стороны—стрѣльбѣ въ условіяхъ возможно-близкихъ къ условіямъ боевой дѣйствительности. Последнее обстоятельство, отражаясь на всемъ ходѣ ученья, должно, само собою разумѣется, выработывать въ войскахъ такіе приемы и сноровки, которые на обыкновенныхъ ученьяхъ и маневрахъ не имѣютъ вовсе примѣненія, или же имѣютъ примѣненіе недостаточное. Основываясь на вышеизложенномъ, казалось бы, отчего ученье съ боевыми патронами не замѣнить съ большею пользою вообще маневры, или, по крайней мѣрѣ, маневры односторонніе, и маневры съ противникомъ обозначеннымъ, имѣющіе съ упомянутымъ ученьемъ одну общую цѣль, но не предоставляющіе выгодъ послѣдняго — соединеніе маневра съ боевою стрѣльбою? Это было-бы совершенно справедливо и возможно, если бы ученья съ боевыми патронами можно было производить такъ же свободно, какъ обыкновенныя ученья и маневры. Но для этого существуютъ весьма большія препятствія, а именно:

1) Для ученья съ боевыми патронами и зарядами пѣхоты и артилеріи не можетъ быть выбрана произвольная, какая угодно мѣстность, въ особенности если ученье представляетъ маневръ по двумъ направленіямъ — наступленіе съ переѣною фронта. Для такого ученья необходимы обширныя пустыри, незаселенныя пространства, въ окружности 15 верстъ и болѣе. Поэтому легко можетъ быть, что окрестности лагеря, дающія возможность продѣлать до 20 различныхъ учений съ тактической цѣлью, представляютъ два, одно, а можетъ быть не представляютъ и ни одного удобнаго мѣста для ученья—маневра съ боевыми патронами. Къ этому слѣдуетъ еще прибавить: а) что на одномъ мѣстѣ можно сдѣлать только одно, два ученья съ боевыми патронами, ибо разнообразить ихъ много нельзя, не рискуя послать пулю или снаряды въ сосѣднюю деревню; и б) что для ученья съ боевыми патронами нельзя выбирать мѣстность очень закрытую и пересѣченную, т. е. такую, которая на обыкновенномъ маневрѣ доставляетъ войскамъ хорошую практику для примѣненія въ мѣстности и для приобрѣтенія навыка сохранять порядокъ.

2) Самый ходъ ученья обставленъ условіями, которые не только препятствуютъ дать ему произвольное направленіе, но, напротивъ, стѣсняя его узкими рамками, заставляютъ ученье съ боевыми патронами и зарядами производить по заблаговременно—составленной программѣ, въ которой необходимо обсудить вѣроятно различныя вѣроятныя случайности, могущія привести къ несчастнымъ послѣдствіямъ. Сказанныя условія заключаются, во-первыхъ: въ необходимости производить наступленіе и стрѣльбу въ извѣстномъ направленіи, и ежели дѣлать во время маневра переѣну фронта, то непременно подъ извѣстнымъ угломъ, чтобы послѣдующее за симъ движеніе впередъ, или просто стрѣльба, приходилось непременно также по безопасному направленію; во вторыхъ: въ необходимости сообразить ходъ ученья такимъ образомъ, чтобы люди и части войскъ не подстрѣлили другъ друга. Справедливо, что подобная случайность мало вѣроятна, но мы упомянули объ ней потому, что могутъ встрѣтиться случаи, въ которыхъ слѣдуетъ принимать мѣры и для ея предупрежденія, ставя ходъ ученья въ тѣсныя рамки и запрещая строгій выходъ изъ нихъ. Для доказательства, возьмемъ слѣдующій случай: наступленіе производится по двумъ сходящимся направленіямъ; одинъ батальонъ по одну сторону перелѣса, другой по другую; между ними артилерія. Передъ тѣмъ, чтобы начать рѣшительное наступленіе—движеніе въ атаку—батальоны должны обстрѣлять непріятеля съ позицій, приходящихся примѣрно на высотѣ

перелѣса; при этомъ артилерія должна стать на той-же позиціи (флангомъ къ лѣсу), а затѣмъ выѣхать на картечный выстрѣлъ. Не только на обыкновенномъ маневрѣ, но и въ настоящемъ дѣлѣ никто не станетъ хлопотать, чтобы батальоны были, по возможности, на одной линіи, и чтобы артилерія стояла непремѣнно у передней опушки перелѣса, такъ чтобы, стоя съ правой стороны послѣдняго, она видѣла дѣйствія батальона находящагося влѣво, а стоя съ лѣвой стороны—обратно. Между тѣмъ, на ученѣ съ боевыми патронами соблюсти сказанное положеніе крайне необходимо; иначе, при дальнѣйшемъ наступленіи—при движеніи въ атаку—по двумъ сходящимся направленіямъ, можетъ произойти несчастный случай. Такъ, напримѣръ батарея, стоя справа перелѣса у задней опушки и не видя дѣйствій батальона, приходящагося отъ нея влѣво черезъ лѣсъ, можетъ, при выѣздѣ на новую позицію, забрать влѣво; если при этомъ цѣпь лѣваго батальона отстанетъ (сравнительно съ цѣпью праваго), то въ такомъ случаѣ батарея очень легко можетъ попасть подъ выстрѣлы цѣпи лѣваго батальона. Какъ же, въ подобномъ случаѣ, не указать заблаговременно батареѣ позицію именно у передней, а не у задней опушки перелѣса, и не предупредить ее, чтобы она строго держалась этого указанія, хотя, можетъ быть, наступленіе сложится такъ, что для нея сообразнѣе будетъ стать обратно. Приведенный случай не только самый обыкновенный, но онъ даже невыдуманный, ибо взятъ изъ практики.

Вообще, какъ ни кажется ученѣ съ боевыми патронами близкимъ къ дѣйствительному бою, но въ немъ есть фальшивая черта. Въ настоящемъ дѣлѣ, люди, можетъ быть, и боятся быть подстрѣленными другъ другомъ, но начальнику не приходится изъ-за этой возможности останавливать движеніе, отходить въ сторону, перемѣнять направленіе и т. п. Между тѣмъ, на ученѣ съ боевыми патронами забота объ избѣжаніи малѣйшей возможности несчастнаго случая должна быть для начальника первостепенною, ибо, по совѣсти и по службѣ, онъ отвѣчаетъ за благополучный исходъ ученья. Чтобы это забота не тяготѣла слишкомъ надъ начальникомъ, и чтобы она не вызывала его на различнаго рода сноровки, бесполезныя для настоящаго боеваго дѣла, необходимо, чтобы ученья съ боевыми патронами представляли, въ большинствѣ случаевъ, выполненіе самаго простаго маневра.

Общій выводъ изъ вышеизложеннаго будетъ таковъ:

1) Ученья съ боевыми патронами и боевыми зарядами, въ формѣ тактическаго маневра, отнюдь не могутъ быть многочисленны.

2) Въ нихъ, по необходимости и въ большинствѣ случаевъ, надѣ стороною маневро-тактической будутъ преобладать стороны уставная и специально-стрѣльбовая (стрѣльба).

Полагаемъ, что вопросъ о производствѣ учений съ боевыми патронами и боевыми зарядами былъ разрѣшенъ, въ лагерѣ подѣ Краснымъ Селомъ, возможно-раціоннымъ образомъ. Здѣсь пѣхотными части, по окончаніи курса стрѣльбы, производили ученья съ боевыми патронами домашнимъ образомъ, на мѣстахъ, отведенныхъ имъ для стрѣльбы и согласно главѣ IV «Наставленія для стрѣльбоваго образованія пѣхоты и драгуновъ», по которому ученья съ боевыми патронами представляютъ не болѣе, какъ продѣлываніе различныхъ уставныхъ движеній и построеній вмѣстѣ съ боевою стрѣльбою.

Затѣмъ, примѣрно въ срединѣ лагернаго сбора, главный начальникъ войскъ произвелъ отряду, состоявшему изъ четырехъ баталіоновъ, четырехъ пѣшихъ орудій, двухъ эскадроновъ и двухъ конныхъ орудій, большое ученье съ боевыми патронами и зарядами, представлявшее разрѣшеніе тактической задачи. Это ученье служило не только повѣркою домашнихъ занятій войскъ, но и опытомъ, весьма поучительнымъ для всѣхъ лицъ и частныхъ начальниковъ, на немъ присутствовавшихъ.

Обратимся теперь къ производству *двухстороннихъ маневровъ*.

Въ началѣ статьи было объяснено, что остановка во время атаки и постоянное отступленіе одной стороны вовсе не должны имѣть того вреднаго вліянія, которое имъ приписываютъ.

Что же касается до прочихъ недостатковъ, находимыхъ въ двухстороннихъ маневрахъ, то происхожденіе ихъ объясняется понятіемъ и направленіемъ времени, въ которое упомянутые маневры, войдя въ большое употребленіе, сдѣлались, окончательно, въ образованіи войскъ, предметомъ необходимымъ. Это произошло одновременно со введеніемъ обычая устраивать учебные лагеря для совокупнаго обученія всѣхъ трехъ родовъ войскъ; слѣдовательно вслѣдствіе окончаніемъ войнъ Наполеона I.

Время это отличалось чрезвычайнымъ поклоненіемъ военному гению Наполеона I, и, главнымъ образомъ, наиболѣе блестящей его сторонѣ, выразившейся въ необыкновенномъ мастерствѣ составлять соображенія силъ, во вѣрнѣ, и двигать массы войскъ къ намѣченной цѣли съ точностью и правильностью необычайными (*). Всякое поклоненіе очень легко переходитъ въ подражаніе, или, по край-

(*) „Военный Сборникъ“ 1869 г. № 11, статья „Объ общемъ характерѣ и направленіи лѣтнихъ занятій“ (лагерь подѣ Краснымъ Селомъ).

ней мѣрѣ, въ стремленіе къ подражанію, а потому неудивительно, что люди, руководившіе практическимъ и теоретическимъ военнымъ образованіемъ, присоединили къ поклоненію гению великаго полководца наклонность къ высшимъ соображеніямъ, наклонность къ сложнымъ и хитрымъ маневрамъ, преувеличенное понятіе важности ихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, невольное забвеніе истины, что въ бою только тѣ распоряженія приводятъ къ желаемому успѣху, которыя для исполненія требуютъ дѣйствій самыхъ простыхъ и несложныхъ. Военная литература того времени, необмысленно богатая, находилась подъ тѣмъ же обаяніемъ, что и военное общество, и, занявшись разработкою высшихъ вопросовъ теоріи военного искусства (стратегіи и высшей тактики), хотя и двинула ихъ быстро впередъ, но немало способствовала и тому направленію, которое мы указали выше.

Отразившись на общей системѣ образованія войскъ—тамъ, гдѣ оно наиболѣе господствовало—ограниченіемъ боеваго образованія въ небольшихъ частяхъ, продѣлываніемъ различныхъ сложныхъ уставныхъ построеній и устроеніемъ маневровъ, преимущественно большихъ, для массъ войскъ значительныхъ, упомянутое направленіе, весьма естественно, должно было привести къ тому, во-первыхъ, что на маневры стали смотрѣть почти какъ на школу для образованія военныхъ талантовъ; во-вторыхъ, что въ самомъ производствѣ маневровъ на подробности и частности исполненія, составляющія технику боеваго дѣла, стали обращать второстепенное вниманіе, и, въ-третьихъ, что, мало по малу, маневры обратились въ личное состязаніе начальниковъ противныхъ сторонъ въ искусствѣ, талантахъ и военной хитрости, а для войскъ въ упражненіе, въ которомъ они не принимали живаго участія и не имѣли достаточнаго интереса.

При такихъ взглядахъ на двухсторонніе маневры, неизбежно должны были установиться и соответствующіе имъ приемы производства, т. е. точные и безспорные, или такіе, которые вполнѣ обеспечивали бы начальникамъ противныхъ сторонъ результаты ихъ соображеній и распоряженій. А именно: 1) что, при столкновеніи противныхъ сторонъ, исходъ дѣла опредѣляютъ данныя очевидныя и безспорныя, слѣдовательно, чаще всего численное превосходство, рѣже—вѣрность и удободоступность позицій, и еще рѣже—прочія условія; 2) что каждый отдѣльный маневръ ведется, по возможности, безъ перерыва, хотя бы это порождало суету, беспорядокъ и путаницу, а сторону отступающую обращало въ нестройную толпу; 3) что по-

средники представляли изъ себя не болѣе какъ счетчиковъ силъ противныхъ сторонъ при ихъ столкновеніи, занятыхъ единственно вопросомъ: которая изъ этихъ сторонъ должна отступить, и, наконецъ, 4) что бывало весьма нерѣдко, главный начальникъ, присутствуя на маневрахъ, не руководилъ общимъ ходомъ онаго, но лишь слѣдилъ за маневромъ, съ единственною цѣлью имѣть возможность объявить въ концѣ маневра свои замѣчанія.

Такіе взгляды на двухсторонніе маневры и на приемы производства ихъ могли и должны были приводить къ слѣдующимъ послѣдствіямъ:

1) Если маневры состязаніе въ искусствѣ начальниковъ противныхъ сторонъ, а не учебное занятіе, имѣющее цѣлью пользу войскъ, то правильное веденіе маневровъ въ подробностяхъ представляется дѣломъ второстепеннымъ; первостепенною же, конечною цѣлью является стремленіе: остаться побѣдителемъ. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ натяжекъ и неправильностей, даже несообразностей, зачастую встрѣчающихся на двухстороннихъ маневрахъ. Приводимъ нѣкоторые изъ нихъ: а) войска строятся и дѣйствуютъ въ одну линію безъ всякихъ резервовъ, съ единственною цѣлью имѣть надъ противникомъ, при первоначальномъ столкновеніи, превосходство въ силахъ, служащее на маневрахъ почти никогда неизмѣннымъ залогомъ успѣха; б) наступающій, тотчасъ же послѣ развертыванія боеваго порядка, производитъ почти безостановочное наступленіе, безъ всякой огневой подготовки; обороняющійся же, въ нѣсколько мгновеній, оказывается атакованнымъ съ нѣсколькихъ сторонъ, обойденнымъ и прочее, и дѣло разрѣшается въ двадцать разъ скорѣе, нежели въ настоящемъ бою. Цѣль такихъ дѣйствій состоитъ въ томъ, какъ бы накрыть обороняющагося; возможность въ постановкѣ правильнаго веденія маневра въ подробностяхъ на второй планъ; между тѣмъ чрезъ это въ маневрѣ скрадывается періодъ огнестрѣльнаго дѣйствія, а самый ходъ его является неправдоподобнымъ; в) иногда заставляютъ пѣхоту пробѣгать цѣлыя версты, чтобы только исполнить задуманное соображеніе, забывая, что въ настоящемъ дѣлѣ люди, прибѣжавшіе съ высунутыми языками, не всегда побѣждаютъ, и что таковыиъ средствомъ надо пользоваться крайне-осторожно.

Въ вышеупомянутыхъ условіяхъ производства маневровъ лежитъ также причина, почему на маневрахъ этихъ мало обращали вниманія на распространеніе суеты и горячки, на строгое соблюденіе порядка и прочее, поступаая, такимъ образомъ, совершенно проти-

воположно тому, чего добивались отъ войскъ на плацу при обыкновенныхъ уставныхъ упражненіяхъ.

2) Признавая, что успѣхъ надъ противникомъ можетъ дать, главнымъ образомъ, только численное превосходство въ силахъ, а не искусное пользованіе мѣстности, и всего рѣже правильность дѣйствій (хоть, напримѣръ, своевременная огнестрѣльная подготовка, спокойствіе и согласность движеній и проч.), двухсторонніе маневры должны были развивать не только склонность основывать распоряженія на численномъ превосходствѣ (это всегда будетъ), но даже породить, такъ сказать, поклоненіе ему, благодаря которому маневръ считается невозможнымъ, ежели въ немъ наступающій равенъ въ силахъ съ обороняющимся и, въ особенности, слабѣе его. Вліяніе двухстороннихъ маневровъ въ этомъ отношеніи не на столько велико, чтобы оно могло человека смѣлаго и рѣшительнаго по темпераменту приучить непременно мѣрить силы противника, вступая съ нимъ въ дѣло, и на оборотъ, вялаго и нерѣшительнаго не заботиться о такомъ соразмѣреніи. Но, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что постоянное и исключительное опредѣленіе успѣха дѣйствій только численнымъ превосходствомъ должно способствовать образованію понятія о преувеличенной важности этого превосходства. Во всякомъ случаѣ, этого не должно быть уже потому, что невѣрно; а что невѣрно, то нерѣдко приводитъ къ несообразностямъ, напримѣръ, въ родѣ слѣдующей: болѣе нежели часто, отрядъ пѣхоты, занимающій вѣрную позицію и атакованный болѣе сильнымъ противникомъ, выбивается изъ нея съ перваго раза; тогда какъ, въ настоящемъ дѣлѣ, онъ легко продержался бы не только одинъ, другой десятокъ минутъ, но и болѣе.

3) Боязнь быть обойденнымъ, лишиться пути отступленія—лежитъ въ природѣ человека. При тѣхъ взглядахъ и требованіяхъ относительно двухстороннихъ маневровъ, которые объяснены выше, обойти непріятеля неминуемо должно было считаться верхомъ искусства въ маневрѣ, хотя бы совершеніе обхода имѣло слѣдствіемъ раздробленіе или разъединеніе силъ; быть же обойденнымъ считалось верхомъ неудачи. Поэтому обыкновенно обошедшій почти всегда считался побѣдителемъ, а обойденный разбитымъ.

Отсюда неизбежно должно было являться: а) увлеченіе обходами, сложными планами и, связанная съ нимъ, страсть къ раздробленію и разъединенію силъ, въ ущербъ согласному и дружному ихъ дѣйствию, и б) преувеличеніе опасности обходовъ, т. е. потворство той есте-

ственной наклонности, которой, по настоящему, слѣдуетъ противо-
дѣйствовать.

Таковы недостатки и вредныя вліянія двухстороннихъ маневровъ въ томъ видѣ, какъ они обыкновенно превозводились до настоящаго времени. Прибавимъ, что было время, когда къ нимъ присоединяли иногда условія картиннаго представленія большихъ сраженій, и потому неудивительно, что, съ возрастаніемъ требованій относительно образованія войскъ, значеніе двухстороннихъ маневровъ, мало по-малу, падало и, въ наше время, они замѣтно потеряли кредитъ, который принадлежалъ имъ нѣкогда.

Изъ вышесказаннаго легко видѣть, что указаные недостатки двухстороннихъ маневровъ, будучи послѣдствіемъ примѣненія къ нимъ извѣстныхъ взглядовъ и требованій, вовсе не составляютъ ихъ неизбѣжной принадлежности.

Справедливо, что ни одно упражненіе не могло благопріятствовать примѣненію упомянутыхъ взглядовъ и требованій въ той степени, въ какой благопріятствовали имъ двухсторонніе маневры; но вѣдь это и не могло быть иначе: служа послѣднимъ воспроизведеніемъ боевыхъ дѣйствій и ихъ обстановки, маневры неминуемо должны быть отраженіемъ взглядовъ на этотъ предметъ, господствовавшихъ въ то или въ другое время. Къ тому же слѣдуетъ вспомнить, что нѣтъ ни одного упражненія, которое, составляя не самое дѣло, но только лишь подготовку къ нему, заключало бы въ самомъ себѣ препятствія для возможности привитія къ нему нѣкоторыхъ невѣрныхъ взглядовъ и заблужденій. Съ этой точки зрѣнія, всякое занятіе, какъ бы оно ни было просто и цѣлесообразно, можно обратить въ такое, въ которомъ полезное будетъ смѣшано съ вреднымъ, и главное будетъ уступать мѣсто второстепенному, чисто побочному.

На основаніи вышесказаннаго полагаемъ, что если отрѣшиться отъ взглядовъ и требованій, господствовавшихъ до сего времени въ отношеніи двухстороннихъ маневровъ, и принять для производства ихъ другія основанія, болѣе рациональныя, и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противоположныя донинѣ существовавшимъ, то двухсторонніе маневры не только будутъ приносить войскамъ дѣйствительную пользу, но даже ихъ настоящіе недостатки и возможное вредное вліяніе уничтожатся сами собою. Эти болѣе рациональныя основанія, по нашему мнѣнію, должны состоять въ слѣдующемъ:

1) Двухсторонніе маневры не суть упражненіе, исключительно предназначенное для образованія старшихъ начальниковъ, но состав-

ляютъ для войскъ такое же учебное занятіе, какъ и всѣ прочіе; цѣль ихъ—ознакомленіе всѣхъ чиновъ, въ предѣлахъ необходимыхъ для каждаго, съ техникою военныхъ дѣйствій, съ трудностями и случайностями ихъ исполненія; развитіе находчивости и смѣлвости въ соображеніи боевыхъ условій, самостоятельности въ рѣшеніяхъ и въ исполненіи; приобрѣтеніе начальниками привычки и знанія приемовъ, необходимыхъ для управленія войсками во время боя. Прибѣгая къ этому: а) двухсторонніе маневры не слѣдуетъ ограничивать производствомъ ихъ отрядами большой величины, но начинать ихъ непременно съ такъ называемыхъ малыхъ маневровъ, и, послѣ усвоенія небольшими частями всего необходимаго, переходить къ маневрамъ частями болѣе крупными; б) обращать постоянное вниманіе не только на правильность и вѣрность соображеній распорядителей, но и на всѣ подробности выполненія ихъ, которыя могутъ въ дѣйствительномъ бою имѣть вліяніе на успѣхъ дѣла, и съ этой точки зрѣнія (напримѣръ, своевременное открытіе огня, вѣрный выборъ минуты атаки, стройность и порядокъ движеній, отсутствіе торопливости и суеты въ исполненіи, точность и своевременность донесеній и прочее), считать столь же важными, какъ и вѣрное составленіе плана атаки, ловкое обходное движеніе и прочее; в) быть внимательнымъ ко всѣмъ подробностямъ и случайностямъ, въ которыхъ можетъ выразиться находчивость и распорядительность частныхъ начальниковъ и вообще исполнителей маневра, и стараться вести его такъ, чтобы въ немъ принимали живое участіе не только распорядители, но и возможно—большее число исполнителей, а на малыхъ маневрахъ даже начальники взводовъ, полувзводовъ и т. д.; и, наконецъ, г) недопускать натяжекъ и вообще неправильностей, неизбѣжныхъ мѣста въ дѣйствительномъ бою.

2) Двухсторонніе маневры могутъ быть дѣйствительно полезны, когда направленіе и общій ходъ ихъ будутъ правдоподобны и поучительны, и, въ особенности, когда при исполненіи ихъ не будетъ той суеты и торопливости, даже путаницы, которая нерѣдко встрѣчается, и которая, такъ сказать, тормошитъ войска, утомляетъ ихъ и дѣлаетъ не только равнодушными, но даже апатичными къ ходу маневра; также, когда начальники отрядовъ и вообще начальники отдѣльныхъ частей будутъ пользоваться въ своихъ распоряженіяхъ должною самостоятельностью. На основаніи этого, главный начальникъ не долженъ вышиваться въ распоряженія противныхъ сторонъ; но, съ другой стороны, онъ и не долженъ быть только зрителемъ, объявляющимъ въ концѣ маневра свои замѣчанія; напротивъ, онъ

обязанъ руководить маневромъ, давая ему известное направлѣніе, такъ сказать безмолвно, посредствомъ рѣшеній, что та или другая часть сбита, остановлена огнемъ и прочее; кромѣ того, онъ долженъ просто приостанавливать маневръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда безостановочное веденіе его можетъ произвести или уже производитъ суету, беспорядокъ и путаницу. Можетъ быть, такая остановка сдѣлаетъ маневръ даже неправдоподобнымъ, облегчитъ положеніе разбитаго и уменьшитъ лавры побѣдителя; но лучше допустить неправдоподобіе, нежели давать войскамъ поводъ пріучаться къ суетѣ, горячкѣ и беспорядку. Это дѣйствительное зло, а большая или меньшая неправдоподобность маневра, во всякомъ случаѣ, будутъ предметомъ болѣе или менѣе спорнымъ.

3) При столкновеніи противниковъ взвѣшивать, по возможности, всѣ данныя, могущія вліять на исходъ его, а не ограничиваться преимущественно сравненіемъ количества силъ. Такимъ образомъ, слѣдуетъ принимать во вниманіе: въ порядкѣ или безъ суеты произведено движеніе; стройно—ли и стремительно—ли исполнена атака; сколько времени войска находились подъ огнемъ; на сколько атака была подготовлена огнемъ артилеріи и пѣхоты; на сколько мѣстность и позиція благоприятствовали обороняющемуся или наступающему, и т. д. (изъ инструкціи для посредниковъ въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ). Примѣняясь къ этому, придется иной разъ повернуть назадъ атакующаго даже до столкновенія, если только будетъ правдоподобно, что обороняющійся отразилъ его однимъ огнестрѣльнымъ дѣйствіемъ.

4) Требовать, чтобы всѣ распоряженія были, по возможности, просты и несложны, помня, что вообще на войнѣ и, въ частности, въ бою только таковыя удаются постоянно. На двухстороннихъ маневрахъ очень легко увлечься сложными соображеніями: кружными обходами, стремленіемъ отрывать пути отступленія, и т. п. Именно этимъ—то стремленіямъ не слѣдуетъ давать большой воли, въ особенности при дѣйствіяхъ небольшихъ отрядовъ, въ примѣненіи къ которымъ высшія соображенія обыкновенно приводятъ къ раздробленію силъ и къ отсутствію согласія и единства въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ частей отряда. Также необходимо наблюдать за тѣмъ, чтобы, въ случаѣ обхода, войска не отступали вслѣдствіе одной этой причины, и чтобы прежде попытались опрокинуть или же отбить часть ихъ обошедшую.

Самый существенный, капитальный недостатокъ двухстороннихъ маневровъ бесспорно заключается въ томъ, что они нерѣдко обращаются въ беспорядокъ, даже въ путаницу, и что въ нихъ несообраз-

ности разнаго рода совершаются такъ же просто и наивно, какъ будто маневрирующія стороны совершенно забываютъ, что онѣ имѣютъ передъ собою противника, ихъ поражающаго и противъ нихъ дѣйствующаго. Причина этого явленія лежитъ отчасти въ томъ, что двухсторонніе маневры зачастую принимали характеръ состязанія, въ которомъ начальники сторонъ, и вообще распорядители, хлопотали исключительно о конечномъ результатѣ маневра—быть или не быть побѣдителемъ, и, въ то же время, упустили изъ виду правильное и сообразное его выполненіе въ подробностяхъ. Но этимъ однимъ еще не исчерпываются вполнѣ причины безпорядка, путаницы и несообразностей, зачастую случавшихся на двухстороннихъ маневрахъ. Даже если бы въ глазахъ начальниковъ сторонъ, и вообще распорядителей, маневры перестали быть состязаніемъ, то, за всѣмъ тѣмъ, въ ихъ подвижной и волнующей обстановкѣ кроется достаточная причина, чтобы возбуждать суету, торопливость и связанные съ ними вышеупомянутые недостатки.

Но составляютъ ли эти обстоятельства основательныя причины, чтобы браковать двухсторонніе маневры? Полагаемъ, что нѣтъ. Обстоятельства, только что приведенныя, заключаются не въ однихъ только свойствахъ двухстороннихъ маневровъ, но также въ нравахъ и привычкахъ лицъ на нихъ распоряжающихся. Что это справедливо, доказательствомъ тому могутъ служить маневры, нерѣдко выполняемые съ должнымъ спокойствіемъ и порядкомъ, когда начальники отрядовъ распоряжаются хладнокровно, отдають приказанія опредѣлительно и слишкомъ часто ихъ разсылкою не запутываютъ войска. Если сказанное справедливо, то въ такомъ случаѣ вопросъ долженъ заключаться въ противодѣйствіи распространенію упомянутыхъ недостатковъ, пустившихъ, къ сожалѣнію, столь глубокіе корни, что инымъ маневръ кажется не въ маневръ, коль скоро онъ шель совершенно спокойно, и что иные, будучи спокойны вообще по темпераменту, какъ будто считаютъ своею обязанностью, выѣхавши на маневръ, непременно горячиться. Видъ въ дѣйствительномъ бою встрѣчается гораздо болѣе, нежели на маневрахъ, причиня, заставляющихъ терять спокойствіе.

Итъ въ виду боевую подготовку войскъ, слѣдуетъ считать немалымъ успѣхомъ, если начальники частей приучатся сохранять спокойствіе на маневрахъ, т. е. при взвѣшиваніи и оцѣнкѣ данныхъ, которыя хотя и не составляютъ всего, имѣющаго мѣста въ дѣйствительномъ бою, но, по крайней мѣрѣ, составляютъ часть ихъ, неза-

включающуюся ни въ одномъ изъ прочихъ видовъ строевыхъ упражненій.

Что же можетъ не только противождать образованію и распространенію вышеупомянутыхъ недостатковъ, но даже способствовать образованію и приобрѣтенію привычекъ совершенно имъ противоположныхъ? Серьезное и дѣльное отношеніе къ маневрамъ всѣхъ лицъ въ нихъ участвующихъ и такая постановка маневровъ, при которой на нихъ смотрѣли бы какъ на практическую школу приобрѣтенія знаній и качествъ, необходимыхъ военному человѣку, а не какъ на упражненіе, составляющее едва-ли не второстепенное занятіе. Что касается до перваго, то оно зависитъ отъ насъ самихъ; второе будетъ зависетьъ отъ лицъ, руководящихъ маневрами, т. е. отъ посредниковъ и начальника обоихъ отрядовъ, представляющихъ противныя стороны. Только при ихъ живомъ участіи и при руководствѣ маневрами разумномъ и дѣльномъ, эти послѣдніе принесутъ войскамъ должную пользу и поучительность, и станутъ на ту высоту, на которой они должны находиться, чтобы служить для войскъ практическою школою. Въ этомъ условіи заключается едва-ли не весь секретъ полезности и поучительности двухстороннихъ маневровъ, и, сравнительно съ нимъ, всѣ различныя приемы производства ихъ суть условія положительно второстепенныя.

Двухсторонніе маневры, по самой сущности своей, всегда будутъ отраженіемъ знанія и пониманія требованій военнаго дѣла, какъ участвующихъ въ нихъ, такъ и руководящихъ ими. А потому, съ этой точки зрѣнія, они то же, что обоюдно-острый мечъ: будутъ знанія и требованія основательны—и маневры выйдутъ поучительны и полезны; при обратныхъ же условіяхъ получатся и обратные результаты.

В. В.